

Богдан АГРИС

Богдан Агрис родился в 1973 году в пос. Голицыно. С 1981 года проживает в городе Химки. Учился на философском факультете МГУ. Работал преподавателем философии, журналистом, системным администратором. Публиковался в журнале «Плавучий мост». В издательстве «Русский Гулливер» готовится к выходу книга стихотворений.

***

О эти выросшие навзничь города,
идущие под скос, под конское копыто,
где глина волглая под ливнем духовита,
и падает внезапная орда
из корневых лакун чужого алфавита.

И мне ли здесь идти наперекор и вкривь,
когда отточенная октябрём солома
дрожит на сквозняке немислимого дома
и прорываюсь я уже почти на срыв
к окраине голосового кома.

***

Несуществующее время вопреки
Мы запросто берём из неба корневого,
Чтобы взойти по стебельку строки
К троякой паузе текущей в кровь реки –
Реки из отсвета и слова.

А время – что оно? Ни мнимо, ни право.
Но, как птенца, мы можем взять его,
Чтобы с руки кормить до времени и срока.
Но выпустить его, как встанет на крыло,
Уже немислимо – оно здесь прижилось,
Но не грусти о нём – ему неодинок.

Двустипшия

1.
Ты мне даёшь обернуться, всмотреться и быть.
На городах корневые вспухают грибы.

На световых, обнадёженных, пухлых корнях
Время стояло, а после встревало в меня.

Полно, – не вереск, не смута, не сон корневой.
Время меня с корневищ отрясает с лихвой.

Что бы то ни было – но по околице лес.

Видит меня, отрицает меня наотрез.

2.

За выпяченной из небес луной
Стоит затяжной,

Стоит затяжной, как старушачий перст,
Крест.

Се галочки всходы и всхлёт весны
У той вон сосны.

В её коре говорят муравьи
Мои.

3.

Зимней поэзии пособирай с куста –
Волей клеста.

Пробуй, как тонкую кровь, пробуй на вкус
Кривду рябинных бус.

Будем еще, будем еще наравне
С тем, что роится вне.

С тем, что щебечет, бормочет вон в той крови, –
Губы-то не криви...

4.

А в инаковой тверди всё взято с лихвой и нараз.
На пшенице стоит безвозвратный и сумрачный Спас.

И лежит огневица в июльской своей колыбели.
Колесо распоясалось в точные отзвуки хмеля.

И недели дают нам растущий в предсердье отчёт,
А ещё говорят, что река по ладони течёт.

Может, это и правда, но что, если эта река –
Тоже просто рука, отражающая облака?..

***

Как в первообраз озера вотще
втекают голубиные кометы, –
и вдруг темно во всех пяти проёмах света,
и проступает вновь на жилистом хвоще
Луны тягучая отмета.

К чему и эта речь? Но в полое «всегда»,
как в рыбы пастбища, бросается вода,

которой поняты и звёздный свет, и хвоя,
и даже птичья мгла опавших городов.
Чего же здесь ещё? Вода идёт на зов
отверстого стекла, где – то один, то двое.

***

Я как будто устал без твоих разнозначных полей,
О пространство, что шло по объёмам ночных журавлей
И рвалось пополам на шоссежных встревоженных стыках.

Над шоссежной травой становилось оно безъязыко
И шаталось, как вереск в заокраинном доме своем.
И росло с перебоями. И отдавалось внаём.

Птицы *(По мотивам Горация)*

В мире, которого не случилось,
Мы поднимались на долгое время,
Смотрели вокруг обоюдоостро,
Верили чёрным глазам из стали.

Новое кончилось. Время вышло.
Зряче осваивая промежутки,
Мы открываем иные двери.
Осень нам в помощь – пора остаться.

Мы остаемся – и станем птицей,
Ветреной птицей с семью глазами,
Кладущей на землю свой отпечаток,
Кладущей в осень свое очертанье.

Полно, нам не пристало плакать
О том, что было, о том, что будет.
Сосуды слез разом все не выпить,
Это напиток одних крылатых.

Будем мы вместе, покуда время
Не постареет до очертанья
И не впадёт в затяжные реки
Имён пернатых и запоздалых.

***

О этих эллипсов плакучих кривизна...
Они всё кружатся, вращаются и стонут.
По вектору Луны – святая тень вороны.
Опустошается полночная казна –

А какова была во время оно!

Богатства трав твоих уже наперечёт,
О ты, моя насквозь и мыслящая местность...
На башни ломкие вступает звездочёт
И падает в тебя сухим изломом жеста,
А золото не знает – и течёт.

***

Не отболи себя, пока ещё зима.
Не проворонь себя в косматые дома,
Двоякодышащие, с кровью чуть зелёной.
Они карабкаются по большому склону,
А как вскарабкаются – будет кутерьма...

Но ты иди туда, где кровельные кроны
Стоят на лезвии просторного ума,
Где город ветвяной, где чёрный клюв вороны
И воздуха простые закрома.

***

И в этом городе, растущем
На смертный грех и квёлый сон, –
Диапазоном рек текущих,
Самосознанием крыл несущих
Я тяжелею испокон.

На смех, дождями перебитый,
На стерха ломкую печать –
Идти шагами следопыта,
Но даже конского копыта
В большой траве не примечать.

Да здравствуют мои слепоты,
Мои затверженные ноты,
Мой безнадежный перехлёст.
От певчих горл я строю к тверди,
Шутя насвистывая Верди,
Колючий и ершистый мост.

О, как однажды он встряхнётся,
Расправит крылья, шевельнётся
И пролетит, как некий дым,
Страной большого листопада,
Где ничего уже не надо,
И перечёркнуты сады.